

DOI 10.54770/20729316-2022-4-230

Л.И. Прихожая (Калининград)

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

Аннотация. Исследуются религиозные мотивы в рассказе «Куликово поле» И.С. Шмелева, написанном в эмигрантский период творчества. Выявлено, как мотивная система произведения способствует реализации идеи автора – показать процесс преобразования человека. В тот период для Шмелева были особо значимыми вопросы духовной эволюции индивида. Охарактеризованы основные мотивы: чуда, преображения, креста, святого, вечной жизни, – направленные на реализацию в рассказе идеи преображения. Показано, что сюжетообразующую функцию в рассказе выполняет мотив чуда. Чудо явления в эпоху послереволюционных испытаний простым русским людям преподобного Сергия Радонежского – это основа истории, ее сюжет. Остальные мотивы рассмотрены как составляющие мотива чуда. Мотив креста объединяет в себе несколько функций: сюжетную (как точка пересечения судеб героев), временную (связывает временные пласты рассказа, соединяет историческое прошлое и настоящее), символическую. Чудесное обречение героями креста приводит их к вере и приносит долгожданный покой. Анализируется образ святого: описание лика преподобного, голос и речь, его сияние, особые знания старца. Утверждается, что внутренние ощущения всех героев при встрече со старцем выстраивают мотив святого. Мотив преображения реализуется с помощью сопутствующих мотивов: чуда, креста, святого. Делается вывод, что категория мотива играет в исследуемом произведении особую роль, выступая одним из способов повествования и вместе с тем содержательной единицей, реализующая тяготение писателя к свету, чуду, Богу.

Ключевые слова: мотив; сюжет; чудо; крест; святой; преображение; И.С. Шмелев; «Куликово поле».

L.I. Prikhodzhaia (Kaliningrad)

Hagiographic Motifs in I.S. Shmelev's "Kulikovo Field"

Abstract. Religious motifs in the story "Kulikovo field" by I.S. Shmelev written in the émigré period of his creative work are analyzed. It is shown how the motif system of the work contributes to the realization of the author's idea – to portray the process of human transformation. The issues of spiritual evolution of an individual were especially significant at that period for Shmelev. The main motifs are characterized: miracle, transfiguration, cross, saint, eternal life, which aimed at the fulfillment of the idea of transfiguration in the story. It is shown that the miracle motif has a plot-forming function in the story. The miracle of the appearance of St. Sergius of Radonezh to ordinary Russian people in the era of post-revolutionary trials is the basis of the story and its plot. The remaining motifs are considered as components of the miracle motif. The motif of the

cross combines several functions: plot function (as a point of intersection of the characters' destinies), temporal function (connects the temporal layers of the story, connects the historical past and the present), symbolic function. The miraculous acquisition of the cross by the characters leads them to faith and brings long-awaited peace. The image of the saint is analyzed: the description of the saint's countenance, voice and speech, his radiance, special knowledge of the saint. It is argued that the inner feelings of all the characters when they meet the elder build the motif of the saint. The motif of transfiguration is implemented with the help of accompanying motifs: a miracle, a cross, a saint. It is concluded that the category of motif plays a special role in the work under study, acting as one of the ways of narration and at the same time a meaningful unit, realizing the writer's attraction to the light, miracle, God.

Key words: motif; plot; miracle; cross; saint; transfiguration; I.S. Shmelev; "Куликово поле".

Рассказ «Куликово поле» был написан И.С. Шмелевым в эмиграции, ставшей для писателя тем периодом, когда в наибольшей степени проявился его интерес к религиозным темам, прежде всего обретения веры и внутреннего преображения. «Темы обретения веры, реальности Промысла и сверхчувственного мира, небесной защиты, преодоления сомнений стали в эмигрантский период творчества Шмелева центральными в его личном опыте...» [Любомудров 2003, 116].

Над рассказом «Куликово поле» писатель работал восемь лет, с 1939 по 1947 г. Вот как он сам вспоминал об этом труде: «Сколько я тут положил души – это только я знаю: без помощи свыше я не мог бы одолеть трудностей» [Шмелев, Бредиус-Субботина 2003, 440]. Главная идея рассказа, которую Шмелев стремится донести своему читателю, заключается в том, что человек должен стремиться к собственному преображению и к вере. Вся система мотивов в рассказе – преображения, чуда, креста, святого, вечной жизни – направлена на реализацию идеи преображения.

«Куликово поле» – это повествование о чудесном явлении святого преподобного Сергия Радонежского русским людям, измученным послереволюционным временем, христианам, сильно нуждающимся в ободрении и укреплении в вере.

Главный герой, бывший следователь, помогает двум другим героям, Средневу и его дочери Ольге, разрешить их спор о случившемся с ними. В результате *расследования и умозаключений* бывшего следователя подтверждается чудо, в которое верила Олечка и которое опровергал ее отец: чудо явления им Сергия Радонежского. Главных действующих персонажей четверо: рассказчик – бывший следователь, лесной объездчик Вася Сухов, Среднев и его дочь Ольга. Рассказчик в самом начале уточняет: «Главные лица – нашего с вами толка, а из народа – только один участник» [Шмелев 2018, 451], имея в виду Василия Сухова, который служил лесным объездчиком у купцов и был знаком с барином Средневым и его дочерью. В «родительскую субботу» Вася отправился к своей дочери «пирожка отвезать, с кашей» [Шмелев 2018, 455], ведь в тех местах, где он жил, этот

день почитали особо, как поминки. На Куликовом поле вдруг остановился его конь. «Огладил Сухов коня, отпрукал... – нет: пятаится и храпит. Глянул через коня, видит – полная воды колдобина, прыгают пузыри по ней. “Чего боится?..” – подумал Сухов... Пригляделся... – что-то будто в воде мерцает...» [Шмелев 2018, 456]. Исследовательница творчества И.С. Шмелева Е.В. Параскева отмечает, что мы сталкиваемся здесь с «отголосками фольклорной традиции: герой получает предостережение от своего коня о приближении к чуду» [Параскева 2018, 189]. Сухов слез с коня и достал из воды медный крест. «И стало повеселей на душе: святой крест – добрый знак» [Шмелев 2018, 457]. Старинный медный крест воспринимается героем как знамение спасения.

Мотив креста решает в рассказе несколько задач. Для того чтобы случилось преобразование человека, происходит переkreщивание судеб героев рассказа. Точкой переkreщивания становится святой крест. «Моделирующая функция мотива креста позволяет связать воедино разные судьбы и обнаружить единый вектор их духовных поисков» [Параскева 2018, 183]. До обретения креста судьбы героев несчастны. Они живут в страхе, потому что они «бывшие». Запрещена вера, закрыты храмы. Следовательно вспоминает, что им владело «ощепенение безысходности» [Шмелев 2018, 453], было «тошно, гнусно, безвыходно» [Шмелев 2018, 468]. Он «ютился с дочерью в Туле, под чужим именем» [Шмелев 2018, 453]. Главной задачей каждого дня было остаться никем не узнанным, чтобы никто не вспомнил, что он «кровопийца народный» [Шмелев 2018, 453]. Барин Среднев так же бежит от революции в Сергиев Посад, «там потише», но живет, постоянно притворяясь, ходит на празднование годовщины Октября, потому что боится, что заметят его отсутствие на манифестации: «...Среднев ходил с толпой по Посаду – “часа два грязь месили под ледяным дождем”. Уклониться никак нельзя – бухгалтер! – заметили бы: “здесь всех знают”» [Шмелев 2018, 487]. В конце же рассказа герои – уже свободные, верующие люди.

Крест связывает временные пласты рассказа. Он свидетель Куликовской битвы. Пять веков назад с благословения преподобного Сергия русский князь Дмитрий Донской разгромил Мамаю, оставив предкам завет хранить православную веру. С другой стороны, крест – символ нового времени, символ испытаний русского народа. «Крест с Куликова поля есть совмещение прошлого и настоящего, но и знак вневременной силы первообраза» [Параскева 2018, 183].

Крест объединяет два мира: мир земной и мир горний. Земной – поскольку он связан с историей Руси. Но также он символ горнего мира, символ спасения через страдание.

Шмелев описывает впечатления Василия от найденного креста. Василий рассматривает находку и сразу же вспоминает барина Среднева, который собирал вместе со своей дочерью редкости. И тут к нему подходит человек. «По виду из духовных: в сермяжной ряске...» [Шмелев 2018, 459]. Сердце Васи возликовало, почуяло святого. Увидел старец, что мыс-

ли у Василия растеряны, что не знает, как ему крест сберечь. Пожалел его. А как Вася упомянул барина, который смог бы крест сберечь, то старец пообещал: «Отнесу благовестие господину твоему» [Шмелев 2018, 462]. Так началась эта история чуда. Через три месяца рассказчик, следовательно, приехал в Сергиев Посад и встретился с другими участниками «случая», чтобы узнать, чем эта история закончилась. Крест был в доме Среднева, его принес им тот самый старец. Оленька знала, сердцем чувствовала, что это было явление святого – преподобного Сергия. Среднев же, материалист, не мог в это верить, как сказала Оля: «Для папы в этом ничего нет, он только анализирует, старается уйти от очевидности... и не видит, как все его умствования ползут...» [Шмелев 2018, 485]. Затем Среднев и его дочь рассказали о том, как все было: как старец крест передал со словами: «Радуйтесь благовестию» [Шмелев 2018, 489], как Оля на коленях просила остаться старца у них переночевать, как не могли они сомкнуть глаз ночью и как святой незаметно покинул их дом.

В рассказе очень много различного рода указаний на то, что это действительно было явление Сергия Радонежского. Образ старца Шмелев раскрывает через **мотив святого**, который состоит из этих указаний. Это и лик святого, как его описал Василий: «“Такой лик, священный... как на иконе пишется, в себе сокрытый”. Может быть, что и таил в себе, чувствовалось мне так: удивительно сдержанный, редкой скромности, тонкой задушевной обходительности...» [Шмелев 2018, 460]. Это и голос преподобного, который казался всем приятным: говорил «ласково, как родной» [Шмелев 2018, 462]. Речь его была особенной, он говорил на староцерковном языке. «Сухов определял, что старец говорил “священными словами, церковными, как Писание писано”, но ему было все понятно» [Шмелев 2018, 460]. Мотив святого выстраивают и внутренние ощущения всех героев. При встрече со старцем у Сухова «возликовало сердце, “будто самого родного встретил”» [Шмелев 2018, 459]. А Оля была в момент встречи со старцем как бы «блаженной». Важным элементом мотива святого является также его сияние, которое Среднев хотел объяснить по-своему, разумом: «очевидно, от блеска звезд» [Шмелев 2018, 488]. Это и икона преподобного, висящая в комнате, которую Оля с отцом определили старцу на ночлег: лик на иконе преподобного и лицо старца были одинаковы. Еще одна составляющая мотива святого – особые знания старца. Например, он знает, что Василий крест обрел, хотя сам в этот момент не присутствовал на Куликовом поле. Он также знает, где живут Средневы. «Обоим им показалось странным, что постучавшийся не спросил, здесь ли такие-то... – знает их!» [Шмелев 2018, 488]. Старец предупреждает Василия, что скоро свидится с ним, и Василий понимает, что старец говорит о его скорой смерти.

Мотив святого является особым элементом **мотива чуда**, без которого это чудо не состоялось бы. Героям произведения – Средневу и следовательно, маловерам и материалистам, нужны расследование и доказательства. И доказательство предстает перед следователем в том факте, что и встре-

ча Василия со святым, и встреча Средневых с преподобным произошла в один и тот же вечер, почти в одно и то же время, а ведь от Куликова поля до Сергиева Посада – больше четырехсот верст. Перед этим фактом не смогли устоять сомневающиеся. Вычислить дату, в которую все происходило, было легко, так как все точно помнили этот день – 7 ноября. Для одних это был церковный праздник, для других – «восьмая годовщина “Октября”» [Шмелев 2018, 487].

Мотив чуда в рассказе «Куликово поле» – сюжетообразующий. Это основа истории. Но главная цель чуда – преображение героев рассказа. Здесь получает свое развитие еще один мотив шмелевской прозы – мотив **преображения**. Принятие чуда героями ведет к изменениям в их жизни. Среднев, как и главный герой, «малOVER, как все, тронутые “познанием”» [Шмелев 2018, 485], не может верить, потому что «“чердачок” превалирует», и любит пофилософствовать. Споря с дочерью, он говорит наигранно, усмешливо подмигивает, пожимает плечами, не может поверить, что преподобный Сергей Радонежский явился им. Среднев пытается найти объяснение тому, что лик посетителя схож с ликом святого:

– Что тут доказывать!.. – сказал он снисходительно-усмешливо. – Почему не объяснять не-чудесным... тожеством восприятий?.. Бывают лица, особенно у старцев... скажу даже – лики... очень иконописные!.. Не «небесной же моделью» пользуются иконописцы, когда изображают лики?.. Тот же гениальный Рублев – свою Троицу?! [Шмелев 2018, 486].

О посетителе он отзывается как о достойном человеке: «...может быть, болеющий страданиями народа, инок высокой жизни...» [Шмелев 2018, 496], но не верит в явление.

Следовательно, как и Среднев, малOVER, все время сомневается. Вот как он сам описывает свое отношение к случившемуся: «Меня этот странный случай затронул двойственно: как следователя – загадочностью, которую надо разъяснить расследованием, и как человека – явлением, близким к чуду, против чего восставало здоровое чувство привычной реальности» [Шмелев 2018, 494].

Оля сильно нуждалась в поддержке следователя, ей очень хотелось, чтобы он помог «рассеять сомнения отца», помог ее отцу уверовать. Почувствовав это, следователь отнесся к расследованию с особым старанием.

Когда выяснилось, что преподобный был в один и тот же день с разницей в несколько часов на Куликовом поле и у Средневых в Сергиевом Посаде, то и профессор Среднев, и следователь вынуждены были поверить в то, что явившийся в Сергиев Посад посланник – сам преподобный Сергей Радонежский. С героями рассказа происходят перемены. Чудо повлияло на их обращение к Богу. Они «обрели верную основу, таинственно дарованную веру» [Шмелев 2018, 505].

«Среднев смотрел, бледный, оглушенный, губы его сводило, лицо перекосилось, будто он вот заплачет. <...> Он... закрыл руками лицо» [Шме-

лев 2018, 502]. Оля понимала, что «с ним сейчас совершается важнейшее в его жизни» [Шмелев 2018, 502]. Он уверовал! Но не только Среднев переменялся – переменялся и следовательно:

Я тогда испытал впервые, что такое, когда ликует сердце. Несказанное чувство переполнения, небывалой и вдохновенной радости, до сладостной боли в сердце, почти физической. Знаю определенно одно только: чувство освобождения. Все томившее вдруг пропало, во мне засияла радостность, я чувствовал радостную силу и светлую-светлую свободу – именно, ликование, упование: ну, ничего не страшно, все ясно, все чудесно, все предусмотрено, все – ведется... и все – так надо. И со всем этим – страстная, радостная воля к жизни, – полное обновление [Шмелев 2018, 503].

Внутреннее преображение героев, их обращение к Богу приносит им долгожданный покой. После осознания чуда встречи со старцем Среднев почувствовал себя «как истомленный путник, желанный покой обретший» [Шмелев 2018, 504]; после благословения старца отец и дочь испытывают чувство «безмятежного покоя» [Шмелев 2018, 492]; следовательно стал «светло-спокоен» [Шмелев 2018, 503], когда поверил в явление святого, сердце его возликовало и пришло «чувство освобождения» [Шмелев 2018, 503]. Тема душевного покоя соединяется с темой бессмертия, темой, которая является венцом истиной веры. **Мотив вечной жизни** завершает формирование **мотива преображения**. Оле после встречи со старцем «открылось, что все – живое, все есть: «Будто пропало время, не стало прошлого, а все – есть!»

Для нее стало явным, что покойная мама – с нею, и... единственный брат у ней, – жив, и – с нею; и все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далекого – «все родное наше», – есть, и – с нею; и Куликово поле, откуда явился крест, – здесь, и – в ней! Не ответ его в истории, а самая его живая сущность, живая явь [Шмелев 2018, 493].

Категория мотива оказалась особенно значимой для произведения «Куликово поле», став одним из способов организации повествования. Мотивы связывают различные уровни текста, обеспечивают смысловые акценты, но главное – актуализируют смысл, что важно для читательского восприятия, для вовлечения читателя в сотворчество. Указывая на значимость мотива в произведениях писателя, В.Е. Ветловская пишет: «...не только действие, но и действующие лица, их характеры, убеждения, поступки, связи, отношения, наконец, авторская концепция... решительно все передается с помощью мотивов и их комплексов. И ничего без них» [Ветловская 2002, 100].

Основные мотивы произведения «Куликово поле» – мотив креста, святого, чуда, преображения, вечной жизни – являются мотивами религиозными и позволяют осмыслить православное учение о Божием Промысле

вечного спасения человека. Мотив преображения реализуется с помощью сопутствующих мотивов: чуда, а в нем скорбей, искушений и покаяний; мотивов креста, святого. Однако сюжетообразующим выступает мотив чуда, который стал одним из способов организации повествования. Этот мотив определенным образом соотносится с целым (сюжетом) и одновременно с другими мотивами, то есть элементами этого целого. Он скрепляет части текста, выполняя структурно-моделирующую функцию. Но мотив в произведении Шмелева – не только литературоведческая единица, а прежде всего составляющая его авторского тяготения к свету, чуду, Богу. Именно поэтому А.М. Любомудров отмечает, что мотивы, сопровождающие писателя в течение всего творчества, – это «не столько мыслительные концепты, сколько идеи сердечные, связанные с чувственно-эмоциональной и, отчасти, с духовной сферой» [Любомудров 2007, 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 213 с.
2. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.
3. Любомудров А.М. Интуитивное и рациональное в творческой личности И.С. Шмелева // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6. С. 14–17.
4. Параскева Е.В. Система повествовательных мотивов в художественной прозе И.С. Шмелева: дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Сургут, 2018. 224 с.
5. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 760 с.
6. Шмелев И.С. Богомолье. Повести. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018. 512 с.
7. Шмелев И.С. Душа Родины: Избранная проза. М.: Паломникъ, 2001. 560 с.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Lyubomudrov A.M. Intuitivnoye i ratsional'noye v tvorcheskoy lichnosti I.S. Shmeleva [The Intuitive and the Rational in Shmelyov's Creative Personality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika*, 2007, no. 6, pp. 14–17. (In Russian).

(Monographs)

2. Lyubomudrov A.M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya*: B.K. Zaytsev, I.S. Shmelev [Spiritual Realism in Russian Literature Abroad: B.K. Zaytsev, I.S. Shmelev]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 2003. 272 p. (In Russian).
3. Vetlovskaya V.E. *Analiz epicheskogo proizvedeniya: Problemy poetiki* [Analy-

sis of an Epic Work: Problems of Poetics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 213 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

4. Paraskeva E.V. *Sistema povestvovatel'nykh motivov v khudozhestvennoy proze I.S. Shmeleva* [The System of Narrative Motifs in Fiction]. PhD Thesis. Surgut, 2018. 224 p. (In Russian).

Прихожая Лилия Ивановна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Кандидат филологических наук, доцент образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук». Научные интересы: немецкий язык, немецкий романтизм, Ф. Гельдерлин.

E-mail: lilia.uni@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9816-8009

Liliia I. Prikhozhaia, Immanuel Kant Federal Baltic University.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster (ESC) "Institute of Education and Humanities". Research interests: German language, German romanticism, F. Hölderlin.

E-mail: lilia.uni@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9816-8009